

Н. И. Костомаров

**Домашняя жизнь и нравы
великорусского народа в XVI
и XVII столетиях (очерк)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях (очерк) / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 150 с.

ISBN 978-5-4241-1800-5

В созвездии русских историков Николаю Ивановичу Костомарову (1817-1885) принадлежит особое место: он последовательно отстаивал идею о том, что наше прошлое - не только "история государства Российского, но и история народа", его быта, обычаев. Эта идея нашла глубокое отражение в предлагаемом читателю произведении Н. И. Костомарова, не публиковавшемся в России более 100 лет.

ISBN 978-5-4241-1800-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н. И. Костомаров, 2021

Н. И. Костомаров
Домашняя жизнь и нравы
великорусского народа в XVI и
XVII столетиях (очерк)

К читателю!

Имя Николая Ивановича Костомарова (1817–1885), 175-летие со дня рождения которого в 1992 г. по решению ЮНЕСКО отмечалось во всем мире, по праву занимает одно из первых мест в отечественной историографии. Фигура его не меркнет даже в сравнении с такими столпами русской исторической науки, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, а лишь по-своему, «по-костомаровски», дополняет их.

Главное, что отличает Костомарова, это, конечно же, желание вырваться из привычного для его времени набора исторических описаний, стремление расширить их круг. «Царские дворы, правительственные приемы, законодательства, войны, дипломатические отношения, — говорит он в одной из своих работ, — не удовлетворяли желания знать прошедшую жизнь. Кроме политической сферы оставалась еще нетронутой жизнь народных масс с их общественным и домашним бытом, с их привычками, обычаями, воспитанием, сочувствиями, пороками и стремлениями»¹.

Это желание более углубленного знания народной жизни историк реализовывал в двух направлениях. Первое — нестандартный выбор для исследования исторических лиц, что особенно наглядно проявилось в классическом его труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», где рядом с именами великих князей и государей мы встретим имена иноков, книжников и землепроходцев. Второе — непосредственная разработка темы народного быта в научных и литературных трудах. К подобным произведениям историка и относятся предлагаемые вашему вниманию «Очерк домашней жизни, и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», а также рассказ «Сын», в послесловии к которому автор подчеркивает, что целью данного сочинения «было представить в повествовательной форме черты нравов, понятий, обычаев и домашнего быта в XVII веке»².

«Очерку домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Н. И. Костомаров посвятил несколько лет жизни. Работа над ним началась и в основном была закончена в Саратове, куда тридцатилетний адъюнкт-профессор русской истории Киевского университета был сослан за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе. В своей «Автобиографии» историк вспоминает, что в 1853 г. (на шестом году ссылки) он принялся за «Очерк...» — «перебрал все, что мог найти печатного из актов и документов, касающихся внутреннего русского быта прошедших времен»³. Работа увлекла и затянулась на годы. После окончания ссылки, поселившись в 1855 г. в Петербурге, историк продолжал трудиться над «Очерком...», пользуясь богатыми фондами Публичной библиотеки.

В 1860 г. «Очерк...» был опубликован в журнале «Современник». Однако и после этого историк продолжал кропотливо собирать все новые и новые материалы к нему. Обилие привлеченных к «Очерку...» источников впечатляет. Здесь и записки иностранных путешественников, и документы Археографической комиссии, и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, и многое, многое другое.

Однако, несмотря на серьезность и глубину, «Очерк...» все-таки задуман автором не как труд для ученых мужей, а как общедоступное сочинение о древнем

быте. Историк, словно экскурсовод, проводит читателя по площадям и улицам древних русских городов, заглядывает в усадьбы государей и простолюдинов, рассматривает их жилища, домашнюю утварь, одежду и другие предметы средневекового обихода, приглашает побывать на родинах, крестинах и свадьбах наших далеких предков, рассказывает об их нравах, обычаях и традициях.

Сразу же после выхода в свет «Очерк...» привлек к себе внимание читающей публики и в 1862 г. был отмечен почетным отзывом Академии наук. Кроме публикации в «Современнике» «Очерк...» выдержал еще три издания. Однако с 1906 г. в течение почти 86 лет не переиздавался и является книжной редкостью.

Рассказ «Сын», как видно из дат его первой публикации (1859–1860) в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России» Н. В. Калачова, создавался историком одновременно с «Очерком...» и является попыткой ученого в еще более доступной (литературно-художественной) форме изложить накопленные им сведения о быте и нравах русского народа, попыткой явно удачной, потому что, как в том убедится читатель, Н. И. Костомаров кроме таланта историка обладал еще и ярким писательским даром.

Текст «Очерка...» в настоящем сборнике с незначительными сокращениями устаревших сносок и длиннот приведен по XIX тому собрания сочинений историка (Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1887. С. 3–314), снабжен комментариями и редко публикуемыми иллюстрациями, которые помогут читателю глубже проникнуть в суть рассматриваемого предмета. Текст рассказа «Сын» приводится по изданию: Костомаров М. И. Твори в двох томах. Киев, 1990. Т. II. С. 6–118.

С. Л. Николаев

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ И ПРАВЫ ВЕЛИКОРУССКОГО НАРОДА В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

(очерк)

Наша историческая литература не бедна сборниками актов и летописей и многими добросовестными исследованиями по разным отраслям русской старины. Но это составляет драгоценность или для специальных ученых, или для лиц, которым положение их и воспитание позволяют следить постоянно за ходом науки и знакомиться со всеми текущими явлениями в ее области. Но за этим немногочисленным классом читателей есть гораздо большая масса публики, погруженная в занятия, которые лишают ее и времени, и средств, чтоб обращаться к чтению ученых исследований, решающих тот или другой вопрос прошедшей русской жизни. Нередко случается слышать укоры в невежестве и отсутствии мысли, обращенные на тех, которые, получая журналы, читают в них одни легкие статьи и оставляют неразрезанными ученые; но часто так поступают люди образованные и развитые и столько же в своей сфере полезные для общества, как и авторы ученых статей, не читаемых ими. Нельзя их обвинять, если после трудов на своем поприще они ищут в чтении отдохновения: невозможно требовать, чтоб их интересовал частный вопрос по науке, когда их деятельность обращена к другим предметам. Еще менее возможно, чтоб они читали сырые материалы, как, например, Акты Археографической комиссии. Но это не значит, чтоб прошедшая жизнь не возбуждала в них никакого интереса: для этой части публики нужны только не частные исследования, а очерки, из которых они могут составить себе целостные представления.

Для этого класса читающей публики я предпринял составить очерк прошедшей русской жизни во всех ее видах. Отрывок моего труда — о торговле в нашем государстве — был напечатан в «Современнике» 1857 года; теперь я предлагаю «Очерк домашней жизни». Таким образом я надеюсь составить впоследствии очерки церковного устройства, администрации, судопроизводства, военного быта. Я далек от того, чтоб считать предлагаемый очерк оконченным трудом, но смею надеяться, что собрание рассеянных в русских и иностранных источниках сведений о нашей старой домашней жизни не останется без некоторой пользы.

I

Жилые местности

Жилые местности в старой Руси были: город, пригород, посад, слобода, погост, село, сельцо, деревня, починок.

Название «город» принималось в различных смыслах. Первоначально это слово значило огороженное место, то есть то, что ныне ограда, огорожа. В старые богатейшие времена людским жилищам часто угрожали то нашествия чужих, то свои домашние неприятели при частых неурядицах и междоусобицах, поэтому их старались укреплять — огораживать. Для такой важной цели достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово «город» (огород, город) в смысле огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье от животных, и твердыню от неприятельского нашествия. Местности, где укрепления представляли больше надежды на безопасность в случае внешних нападений, сделались центрами прилива народонаселения: одни селились в самих городах,

другие поблизости к ним, чтоб иметь возможность убежать в охранное место, когда наступит опасность. Все больше или меньше имели нужду в городах; отсюда возникло, что города получили значение преимущества перед неукрепленными поселениями и последние подпадали им в зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась часто и легко порабощением. Но не все города имели равное достоинство по своей крепости: крепчайшие делались центром власти и им подчинялись другие. Тогда между городами образовались два рода — старшие и младшие, сильнейшие и слабейшие, или города и пригороды. В связи со стратегическими условиями подчинению меньших городов большим способствовали исторические обстоятельства народной жизни. Таким образом, собственно слово «город» начало означать господствующее место — столицу над краем, заключающим несколько пригородов, сел, деревень. Так, Киев был городом земли полян или Земли Русской, Чернигов — городом Земли Северской, Новгород — Земли Новгородской, Псков — Земли Псковской, Хлынов — Земли Вятской, а Вышгород, Белгород были пригороды Киева, Ладога — пригород Новгорода, Изборск — пригород Пскова и так далее. Когда раздельные части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смысл города всей Русской Земли, но тогда само слово «город» изменило прежнее значение. Городом не называлось уже главное правительственное место, где находился центр правления, напротив, это слово начали употреблять в обратном смысле. Москва называлась Москвою: собственное имя ее нередко принималось нарицательным именем русской столицы; говорилось: «На Москве и в городах», как теперь говорится: в столице и провинциях. В XVI и XVII веках название «город» сохраняло два значения: укрепленной местности и административного провинциального пункта. В городах происходило соприкосновение народа с властью; там была складка военной силы, которой поручен край для охранения; туда стекались государственные доходы, вносимые краем, наконец, там жители края искали убежища во время военных опасностей. По мере расширения народонаселения возникали города один за другим, и сообразно благоприятным условиям одни получали пред другими преимущества в отношении важности своей. Таким образом, города были большие или меньшие, и большие начальствовали над последними. Кроме городов, постоянно населенных, существовали еще укрепленные места, называемые острогами; они находились преимущественно в отдаленных от средоточия власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения: из городов посылались туда служилые люди для стражи, напеременку. Мало-помалу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались в города.

Посадам называлось то, что теперь мы привыкли называть городом, и название «посадский человек» означало то же, что теперь мещанин. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности. Они строились близ городов, так что город находился посреди посада, и в этом смысле назывался кремлем, а посад раскидывался около него. Часто город был на горе, а посад внизу. В местах, где жителям посада опасно было оставаться в своих жилищах без защиты, посады обводились валами, стенами и рвами. У нас в отношении посада к городу было то же, что на западе; то, что у нас называлось посад, — на западе было city, cite, Stadt, miasto, mesto и то, что на западе было Bourg, borgo, borough, bard, hrag,

grod, у нас называлось город, а в древности — град. То же было в древнем классическом мире: так, акрополис был град Афин, а сами Афины около него посадом. В нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время называется городом, состояло нередко из трех частей: град, или город, посад и слободы. Посад разделяется на две части: острог, или укрепленная часть близко к городу поселения, и поселок вне острога, или собственно посад, а за ним слободы. И теперь в землях турецких славян та же троичность: град, соответствующий нашему городу, варош — острог и паланка — поселение за укреплением, которое может, смотря по местным обстоятельствам, соответствовать нашему посаду или слободам.

Слободами первоначально назывались поселения, жители которых пользовались какими-нибудь особенными условиями; но так как эти условия давались обществам, деятельность которых посвящена была определительно каким-нибудь особым занятиям, то за такими обществами преимущественно удерживались названия слобод. Они были большей частью около посадов и городов.

Погост, село и сельцо, деревня, поселок, займище были поселения земледельческого класса. В древности погостом называлось поселение с церковью, при которой всегда сосредоточивались сношения окрестных жителей и устанавливался административный центр. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они, естественно, начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались вообще только селами. Слово «погост», бывшее некогда в повсеместном употреблении, в XVI и XVII веках сохранилось только в Новгородской Земле в смысле большого села со средоточием администрации для окрестного края. Различие между селом и сельцом заключалось только в величине их. Деревни были поселения без церквей. Починки были маленькие деревушки, недавно заселенные. Займище было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором. Когда к этому двору присоединялись другие, то из займища образовывался починок; починок по прошествии времени, которое лишало его значения новизны, и по мере возраставшего населения переименовывался в деревню; а наконец, с постройкою церкви деревня изменялась в сельцо и с умножением народонаселения в село. Жилые земледельческие местности без церквей и даже небольшие сельца принадлежали к селам. Такая принадлежность одних местностей другим не была только административным распоряжением, а истекала из образа их основания, ибо новые поселения основывались посредством выселков из старых. Из сел выходило несколько семейств: основывали деревню; когда она значительно возрастала или же находились в ней зажиточные люди, чтоб построить церковь (так как в то время это было не трудно по обилию леса и по незыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась в сельцо, потом в село. В свою очередь из нового села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшиеся в свою очередь в сельца или села, и так далее. Первое родоначалное село удерживало старшинство над своими выселками и оставалось между ними центром сношений по крайней мере до тех пор, пока время не изглаживало из памяти этой старинной исторической связи. Таким образом, в Новгородской Земле погосты в смысле первенствующих Поселений были старые поселения со старыми церквами, а села с новопостроенными церквами были их выселками. Смотря по историческим обстоятельствам, изменявшим движение народонаселения, и по относи-

тельной быстроте его размножения, эта связь поселений удерживалась дольше или ослаблялась скорее.

II Города

Потребность возведения городов возрастала у нас вместе с расширением пределов русского мира. Города заводились прежде, чем поселения; в местах, не заселенных, чтобы дать возможность жителям существовать на новоселье, надобно было приготовить для них оборону. Таким образом, южные степи Московского государства не иначе заселялись, как под прикрытием множества городов, городков, острогов, засек и всякого рода укреплений; в низовьях Волги долгое время только города, уединенно стоявшие на сотни верст один от другого, указывали на господство русской державы в безлюдной земле. В Сибири каждый шаг подчинения земель власти государя сопровождался постройкою городов и острогов. Повсюду в XVI и XVII веках постройка городов была одною из первых забот правительства и городское дело важнейшею из повинностей всего народа. Когда в старых актах говорится о постройке городов, то разумеется под этим возведение и устройство укреплений, и в этом случае само слово «город» означало ограду, а не то, что находилось в ней; говорилось: города каменные (включая в это название и кирпичные), города деревянные и земляные. В XVI веке каменных и кирпичных оград было чрезвычайно мало, исключая монастырские стены, которые /чаще, чем городские, делались из кирпича. При Михаиле Федоровиче, после того, как Смутные времена показали ненадежность деревянных твердынь, ощутительная потребность охранения государства со всех сторон побуждала выписывать из Голландии мастеров для каменных построек. Как медленно шло это дело, можно видеть из того, что в Астрахани, несмотря на ее одинокое и небезопасное положение, прежде 1625 года не было каменных стен. При Алексее Михайловиче, по свидетельству Котошихина⁴, во всем Московском государстве были, исключая монастыри, в двадцати городах каменные или кирпичные укрепления; но это число кажется преувеличено; по крайней мере, собирая рассеянные известия того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать их столько (Москва, Новгород, Ладога, Псков, Смоленск, Тула, Нижний, Казань, Астрахань, Яик, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцк). Вообще же бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть с валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее безопасных местоположением, под стенами проводился ров. По большей части деревянные укрепления соединялись с земляными разным способом: например, насыпался вал или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стена или тын; или же стена стояла на плоской земле, но за нею следовала осыпь; или же деревянные стены были присыпаны хрящем, то есть кучею камней, песка и земли. Простые остроги или острожки делались без осыпей, и их деревянные стены были ограждены только рвами. Часто город, окруженный деревянной стеной и рвом, был еще раз обведен осыпью или деревянною стеною — так называемым острогом, а между городом и острогом находилось поселение. Такое городское расположение было

и в самой Москве: Кремль с Китай-городом составлял сердцевину столицы; на значительном промежутке от них была проведена кругом другая стена так называемого Белого города; далее, также после значительного промежутка, земляной вал, обшитый деревянной стеной. Подобное устройство было и в других городах: в Казани был каменный кремль, а за ним следовал посад, окруженный острожною деревянною стеною; в Астрахани также был каменный кремль, а его окружала другая каменная стена, соединявшаяся с кремлевскою вдоль Волги, и промежуток между кремлевскою стеною и этою последнею назывался, как и в Москве, Белым городом. В Пскове среднее укрепление называлось Детинец: оно стояло в углу, образуемом рекою Великою и впадающей в нее Псковой. От угла, противоположного той стороне, где была Великая, шла стена вдоль реки Псковы и упиралась в башню; от этой башни в обе стороны шли стены, огибавшие город, построенный на двух сторонах реки Псковы; эти стены сходились к двум углам Детинца на берегу реки Великой. Сверх того, в середине города, на левой стороне Псковы, в сторону от Детинца, существовал еще один внутренний город, называемый Кромом, а за пределами большой внешней стены, огибавшей весь город, был ров, за которым расположено было многолюдное поселение, называемое Застеньем, обведенное деревянною стеной. В Новгороде на Софийской стороне был каменный город, окруженный земляным валом; между тем и другим находился посад; укрепления земляного города шли неправильными линиями, то приближаясь к каменному, то удаляясь от него; за пределами земляного расположены были поселения, тоже в древности еще раз обведенные стеной, а на Торговой стороне был другой город с башнями и рвом. Некоторые монастыри (они вообще в тот век были твердынями) имели такую же форму укреплений; например, в Кирилловском в начале XVII века была кругом монастырского строения каменная стена; а подальше, на значительном от нее расстоянии, по тому же направлению, эту каменную стену окружала деревянная острожная стена, за которой с внешней стороны проходил вокруг нее ров. Во множестве небольших городов был такой же порядок; за стеною, обыкновенно деревянною, опоясанной рвом по наружной стороне, часть посада, иногда же и весь посад охранялся другою стеною, острожною.

Как каменные, так и деревянные стены не составляли правильных очертаний; так, например, в одном деревянном городе стена в одном месте суживалась до 31 сажени⁵, а в другом расширялась до 98. Почти всегда город в одних местах был шире, в других — параллельных первым — уже. Окружность городов соизмерялась с местоположением и важностью города. В Новгороде, например, каменный город был в 498 саженой кругом, земляной — в 712, деревянный — в 2406. Окружность астраханского каменного города заключала 1017 саженой. В других местах мы встречаем окружность второстепенных городов в 112, в 184, в 395, в 550 саженой и так далее.

В каменных стенах всегда делались наверху зубцы, такие высокие, что иногда занимали более трети вышины всей стены. По протяжению всей стены возвышались башни, в каменных городах — каменные, в деревянных и земляных — деревянные; но случалось, что при деревянных городских стенах башни были каменные, как, например, в Ярославле. Кроме башен, в стенах делались различной формы выступы: городни, выводы, костры, кружала (круглые выемки, где обыкновенно помещались кладовые со входами изнутри и амбары); обломы

(скатные пристройки, выдававшиеся в наружную сторону) с деревянными котами (катками или колесами без спиц), которые спускались на неприятеля во время осады; печоры (углубления внутрь стены); быки (расположенные рядами большие выступы), на которых строились укрепления, образовывавшие сверху дружную стену. Стены разделялись по пространствам между башнями, называемыми пряслами. Эти пространства имели различное протяжение в одном и том же городе. Так, в новгородском каменном городе пространство между башнями в одной стороне было до 70 саженей, в другой — до 50, в третьей — до 40 и менее. В новгородском земляном городе между одними башнями было 150 саженей, между другими — 46. В Тотьме вообще от 17 до 25 саженей. В одном деревянном городе, в южном краю Московии, на одной стороне вся стена имела 35 саженей, на другой — 44. В Воронеже в 1666 году в одном месте пространство между башнями заключало 155 саженей, в другом — 30, в третьем — только 18 и тому подобное. По пряслам устраивались окна, при которых припасались камни и колья, чтоб метать на осаждающих, и бои, узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Таких боев в больших городах было три ряда: подошевный, средний и верхний. В Астрахани на пространстве в 425 саженей, составлявших часть городской стены, было 509 боев. В малых городах их было обыкновенно два ряда: подошевный и верхний. Толщина и высота стен в разных городах была также различна, как и окружность. В Астрахани в 1649 году каменная стена в толщину была в 1,5 сажени, а в высоту с зубцами 4 сажени, без зубцов 2,5 сажени; сами зубцы возвышались над стеною на 1,5 сажени и в толщину были в полсажени. Стены московского Кремля в XVI веке, по свидетельству англичан, имели в толщину 18 футов⁶. В Кирилловском монастыре высота внешней стены была до 16 аршин⁷, внутренней — 10; толщина первой — в 9,5, а внутренней — в 1,5 аршина. В Суздали вал с приступной, то есть с внешней, стороны имел от 8 до 10 саженей вышины, а с внутренней — от 3 до 6. Земляные валы делались книзу шире, кверху уже: таким образом, в этом же суздальском вале толщина его у земли была от 8 до 10 саженей, а наверху простиралась только до 1,5 сажени.

Изнутри по стенам проводились лестницы и ходы, обыкновенно из башен от одной к другой; местами эти ходы имели тайные выходы наружу. На больших выступах, или быках, устраивались мосты, на которых, как сказано прежде, возвышалась другая стена. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было иметь движение по всей окружности. Очень часто стены города были двойные, тройные и четверные. Пространство между стенами засыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежуток. Сверху делались над ним кровли из теса или решетины. Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшиеся над стенами городов, были по фигуре круглые, четырех-, шести- и восьмиугольные. Кровли на них иногда были так велики, что сами по себе превышали высоту остального строения; так, в Олонце высота башни до кровли была 5 саженей, а с кровлею — 11. Вообще высота, длина и ширина башен была очень различна и не одинакова в одном и том же городе. Например, в Воронеже в 1666 году одна башня имела в высоту 7 саженей, а другие — 5, 4, 3 и даже 1. Высота вообще не соразмерялась с объемом башен; например, в одном городе из двух башен в 1,5 сажени в диаметре одна была вышиною в 3 сажени с половиною, другая в 1,5 сажени. Редко длина башни была одинакова с